

— Господин, наложница Цянь родила, это... маленькая цзюньчжу, — близкий телохранитель Ли Хун Мина, услышав движение за пределами кабинета, тихо вышел и очень быстро вернулся снова. Когда он заговорил, то казался очень осторожным, боясь рассердить своего господина. Не стоило даже упоминать его хозяев, даже они надеялись, что эта беременность закончится рождением маленького господина. Раньше многие говорили, что в девяти случаях из десяти это мальчик, но почему это так ненадежно?

— Понятно, пусть ванфэй поможет ей успокоиться, просто делайте так, как должно, — Ли Хун Мин продолжал писать. От начала и до конца выражение его лица ни разу не изменилось, он даже не поднял головы, и скорость начертания тоже осталась точно такой же. — Также пошлите кого-нибудь во дворец, чтобы передать послание муфэй.

— Слушаюсь, — видя, что хозяин не сердится, он облегченно вздохнул и в то же время почувствовал, как внутри у него все похолодело. Посторонние говорили, что они следовали за хорошим господином, но на самом деле их хозяину не так легко служить. Возможно, его мягкость и элегантность исчерпывались за пределами ванфу. В ванфу редко можно увидеть его улыбающимся, и к тем, кто допустил промах, он тоже никогда не был снисходителен.

После того, как благородная супруга Су получила эту новость, она на мгновение остановилась, в ее глазах отразилось нескрываемое разочарование. Вскоре после этого она сдержала свои эмоции, а затем приказала кому-то отдать приготовленные вещи. После этого больше не было никаких движений.

Во время беременности Цянь-Ши можно было сказать, что она стала сокровищем, которое бережно хранилось в их ладонях. Сумей она родить сына, то и осталась бы этим сокровищем. Просто, к сожалению, она родила дочь. После родов кроме гораздо более мелких, чем обычно, стандартных даров она, по-видимому, не получила ничего другого. Обещанная должность цэфэй помахала ей ручкой, и ей даже придется растить эту отвратительную "сборщицу долгов", которая принесла ей всю эту "катастрофу".

Первоначально, когда ребенок еще был у нее в животе, ей долго говорили, что если она родит сына, то его заберут, но пожалуют ей титул цэфэй, из-за этого она твердо верила, что беременна сыном, и даже заранее вела себя, как эта самая цэфэй. И не пересчитать, сколько людей в ванфу пытались выслужиться перед ней, и когда она сталкивалась с Жуй циньванфэй, она тоже действовала очень высокомерно. В то время Жуй ванфэй тоже была очень снисходительна к ней, и за ее спиной Цянь-Ши проклинала высокородную соперницу за то, что она курица, которая не может нести яйца, но все же хочет украсть ее сына. И даже планировала, что, как только она получит должность цэфэй, придумает способ вернуть своего сына. А потом, если его высочество взойдет на трон, ее сын будет старшим принцем, а позже императором. Тогда она станет самой благородной женщиной в мире...

Красивые мысли, настолько, что некто мог даже просыпаться со смехом. К сожалению, реальность безжалостно ударила ее по лицу. Ребенок все еще лежал рядом с ней, но отношение к ней сильно изменилось, спустив ее с небес на землю. Люди, которые когда-то

кружили вокруг нее, мгновенно исчезли. Сидя в затворничестве в течение месяца [1], она будет вынуждена есть холодные обеды с чужого стола, а если закатит истерику и что-нибудь разобьет, ей вряд ли вообще удастся поесть. Люди с кухни беспрестанно глумились:

— Доброжелательная ванфэй была снисходительна к наложнице Цянь... но ее брюхо, к сожалению, не оправдало доверия. Имея судьбу наложницы, но все еще желая того же обращения, что и ванфэй, спит все еще что ли?

А те женщины, которые когда-то завидовали и обижались, все пришли, чтобы поиздеваться и понасмехаться над ней. Сколь высокомерна и надменна она была раньше, полагаясь на свой живот, но теперь ее нисколько не было жалко, когда ее топтали прямо сейчас.

Она постоянно кричала, что хочет видеть его высочество, но, к сожалению, даже если она орала изо всех сил, никто не обращал на это внимания. Потом это были просто всевозможные проклятия, ни в малейшей степени не неожиданные, сорвавшиеся с ее губ... изначально она уже была слаба после родов, а теперь, после такой истерики, началось послеродовое кровотечение. Она смотрела, как истекает кровью, но никто даже не потрудился вызвать для нее врача. Прежде чем умереть, она приподнялась и использовала последние силы, чтобы схватить эту вещь, которая не получила ее благосклонности, и отбросить ее как можно дальше. Никто не знал, когда плач в отброшенной пеленке прекратился...

От рождения до смерти прошло не более двадцати четырех часов.

— Ванфэй, наложница Цянь истекла кровью после родов и скончалась. Маленькая цзюньчжу оказалась слаба и последовала за ней.

Жуй циньванфэй на мгновение замерла:

— Тогда мирно похороните их. Пошлите что-нибудь к семье Цянь. Кроме того, поставьте в известность Министерство назначений и случайным образом продвиньте одного из членов семьи Цянь.

— Ваше высочество, наложница Цянь истекла кровью после родов и скончалась. Маленькая цзюньчжу оказалась слаба и последовала за ней.

Ли Хун Мин по-прежнему даже не поднимал головы:

— Об этом деле можно просто доложить ванфэй, чтобы она уладила его, какой смысл сообщать этому принцу?

— Ваша светлость, наложница Цянь истекла кровью после родов и скончалась. Маленькая цзюньчжу оказалась слаба и последовала за ней.

Благородная супруга Су поиграла браслетом на своем запястье и рассеянно открыла рот:

— Однако она родила благочестивую дочь. Зная, что матери будет одиноко, она последовала за ней, чтобы сопровождать ее.

Если бы Су гуйфэй, отдавая вещи, не вела себя так явно, может, даже послала что-то немного более ценное...

Если бы после того, как она родила, Ли Хун Мин просто упомянул бы: "должным образом позаботься", и подарил бы что-нибудь...

Если бы Жуй циньванфэй, прежде чем уйти, просто отдала бы несколько приказов и оставила нескольких человек, или запретила бы другим наложницам выходить, или, узнав, что это маленькая цзюньчжу, удержала бы ее...

Тогда Цянь-Ши не умерла бы, и этот ребенок тоже не оказался бы отброшен в сторону, чтобы погибнуть, даже не попробовав молока.

В конце концов, все эти птицы высокого полета привыкли ставить себя выше остальных, считая человеческую жизнь ничтожной. Людей, которые им не нужны, они могут полностью игнорировать и ничего не делать. По отношению к Цянь-Ши, женщине такого типа, Жуй циньванфэй все еще питала сострадание, но и только. Она не будет из-за этой капли сострадания искать неприятности для себя, протягивая руку помощи. Какими бы несчастными и жалкими они ни были, все они по факту могли похитить ее мужа и в любой момент стать угрозой для ее детей.

В то же время Цзинь циньван вернулся в столицу!

В отличие от того времени, когда он покинул город налегке, его возвращение можно было назвать очень громким и показательным. Помимо церемониальной процессии циньвана, его сопровождало более тысячи стражников.

По пути зеваки более чем достаточно усладили свой взор этим зрелищем. Хотя охрана разделила их, интерес ничуть не уменьшился. Они не знали, кто был тот человек в карете. Даже если они жили у ног императора, простолюдины все еще были далеки от тех, кто обладал властью, и эту пропасть нельзя было преодолеть. Даже те люди, которые знали опознавательные знаки высших чиновников и знатных семей в столице, и те, кто понимал характер Цзинь циньвана, все еще осмеливались только два раза тайком сплунуть, не решаясь нагло показать это открыто.

Цзин Вань и другие экипажи следовали позади, также в пределах досягаемости охраны. Внешне они казались почти членами семьи Цзинь циньвана.

Покидая храм Белого дракона, они узнали, что раненый Цзинь циньван просто случайно возвращался в столицу в то же самое время. Из всей четверки девушек до этого только Цзин Вань знала, что на него напали, даже Сунь И Цзя не знала. Герцогиня Дин тоже не говорила ей об этом. Они, наконец, выяснили это при получении Сунь И Цзя известия о даровании брака и случайного упоминания Чжан-Ши. Вскоре после Цзинь циньвана нашли, и в храме Белого дракона ввели военное положение. Из-за этого к произошедшему было приковано повышенное внимание.

Перед храмом Белого дракона люди с обеих сторон стояли на некотором расстоянии друг от друга. На его лице не отражалось никаких эмоций, взгляд был ледяным, и он стоял, заложив руки за спину. Даже со своим несравненно красивым лицом он все равно заставлял дрожать от страха. Вдобавок его внушительное присутствие препятствовало людям опрометчиво приближаться к нему.

[1] подробнее об этом в главе Исторические заметки: культура и искусство

<http://tl.rulate.ru/book/19909/938807>